

ального характера» идут вразрез с требованиями к агиографу, изображающему врага святого. «Сильная и крепкая яко же муж» женщина оказалась сломленной убежденностью сына и отрелась от всех тех благ, вернуть сына к которым она старалась столько лет всеми мерами. Напоминания о «враге добру» — дьяволе, который раздувал «ярость» матери, не могут умалить жизненность этого женского образа, это — дань традиции, которая во всех жанрах древнерусской литературы требовала объяснять дурные поступки и «помыслы» каждого человека внушением «врага рода человеческого». Так, в ортодоксальное житие автор, прекрасно владеющий агиографическим стилем, внес элементы того «многообразия действительности», тех «черт индивидуального характера», которые в теории были этому стилю противопоказаны. Примечательно то, что это отступление от канона было допущено не во второстепенных деталях повествования, а в изображении того основного конфликта, в обстановке которого формировался характер главного героя — Феодосия.

В стилистике эпизодов, рассказывающих о матери Феодосия, обращает на себя внимание одна черта: отлично владеющий «патетической фразеологией» восхваления, когда речь идет о самом Феодосии или его наставнике Антонии, Нестор совершенно лишил рассказ о матери оценочной лексикой. Когда речь идет о «гневе», «ярости», «грозе», побоях, которыми она пыталась побороть сына, даже о «гневе великом», с которым она требовала от Антония показать ей сына, к ней не применен ни один из обычных осудительных эпитетов, традиционно сопровождающих «врага» в житийной литературе, хотя функции этого «врага» и переданы матери.

Можно ли предполагать, что Нестор в данном случае сознательно отступил от требований агиографического стиля? Вряд ли: в изображении матери он подчинился своему основному источнику — рассказам ее о детстве и юности Феодосия и о попытках удержать сына на том пути, какой ему открывало его имущественное положение члена зажиточной семьи. Правдивый рассказ матери-монахини, поведавшей о своей борьбе с сыном уже тогда, когда она, очевидно, раскаялась в своей жестокости, увел Нестора к изображению жизни, «какая она есть», к воссозданию характерного для русской действительности XI в. конфликта.²⁰ Так и не произошло столкновения святого с «обобщенным воплощением зла». Вот почему не «по-житийному» этого «врага» одолела в конце концов не столько проповедь инока, сколько материнская любовь, направившая мужеподобную, сильную и властную женщину в монастырь.

Мы проследили за тем, как в образцовом произведении житийного жанра, каким не только для начала XII в., но и для последующего времени было житие Феодосия, применялись на практике требования агиографического стиля. У Нестора — не только агиографа, но и летописца — мы обнаружили и в характеристике главных персонажей — Феодосия и противодействующей ему матери — смелое соединение идеализирующего изображения жизни и людей, которое стремится научить должному, идеальному, с правдивым воспроизведением некоторых сторон реальной действительности. Нестор не отказывается от раскрытия противоречий в поведении отрешившегося от «мирския печали» «блаженного Феодосия», который отступает от монашеского «смирения и покорения», отречения от

²⁰ Такой же конфликт возник в семье «первого у князя в боярех Иоанна», когда его сын ушел в пещеру Антония. Такими же жестокими мерами пытался отец вернуть сына к «богатству и славе мира сего». Победила непримиримость сына. Но в отличие от Феодосия он не пытался словами «писания» убедить отца в преимуществах жизни инока. Отец уступил, побежденный лишь любовью к сыну, и отпустил его, оплакав как умершего (стр. 23—26).